

ЗНАМЯ ТРУДА

Орган Сланцевского горкома Коммунистической партии Советского Союза и городского Совета народных депутатов

Газета издается
с февраля 1944 года

№ 118 (10282)

Четверг, 21 июня 1990 г.

Цена 3 коп.

ДОРОГИЕ ЗЕМЛЯКИ!

22 июня 1990 года состоится торжественное перезахоронение найденных останков воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны, в братскую могилу на северной окраине города.

Начало траурного церемониала на захоронении в 13.00.

Сбор и построение знаменной груп-

пы, делегаций с венками, ветеранов Великой Отечественной войны и всех желающих встать в колонну сопровождения автомобилей с останками воинов состоится 22 июня в 12.30 по улице Ленина от здания трансгентства в сторону ДК горняков.

Исполком горсовета, горком КПСС, горвоенкомат.

СЧЕТ ТОННАМ СЕНА ОТКРЫТ

Рано начали колоситься в этом году травы. Значительно раньше, чем набрали зеленую массу. Это - то и заставило земледельцев второго производственного участка совхоза «Родина» (д. Монастырек) поторопиться с началом косовицы. Уже в первой декаде июня вывел свою косилку на луга опытный тракторист и исключительно добросовестный труженик, к тому же неоднократный победитель социалистического соревнования среди косарей всего района Александр Петрович Рыбаков. А 13 июня в сеное хранилище на ферме Монастырек были завезены первые 15 тонн упакованных в кипы высушенных трав. Запрессовал их Николай Зигмундович Газетский — прошлогодний победитель соревнования прессовальщиков.

Итак, счет первым тоннам сена положен. Всего за сезон монастырским растениеводам надо его заготовить 1295 тонн. Сама по себе эта цифра для них не страшна. Были годы, когда они и по 1600 тонн запасали. Но нынче условия особые. И травостой никудаш-

ный, и погода сюрприз за сюрпризом преподносит. Только было развернулись с косовицей — уже на 50 гектарах положили травы, как зарядил дождь. Пришлось переждать его. А вчера, как только выглянуло солнце, взялись за ворошение трав и к вечеру запресовали их. Склад наполнился еще несколькими десятками тонн сена.

Всего для его заготовки на участке выделено 400 гектаров многолетних трав. Остальные — на сенаж, а силос здесь будут готовить из однолетних. Они весной посеяны на 200 гектарах. Заложили в Монастырке уже и первую траншею сенажа. Причем из трав, взятых с пастбищ после стреливания их скоту. В этом здешним растениеводам могли кормозаготовители из сквозного совхозного отряда, руководимого ветераном сельскохозяйственного производства М. М. Петуховым. Ну, а сейчас все силы снова брошены на сено. Теперь сроки заготовки его значительно сокращаются.

А. БЕДОВА.

ДВАДЦАТЬ СЕМЬ МИЛЛИОНОВ — НА ВЕТЕР

АДРЕС БЕСХОЗЯЙСТВЕННОСТИ

Много шло разговоров о последствиях ввода в действие цеха электродного кокса как экологически вредного предприятия. А сегодня приоткрывается еще одна сторона — объект, на строительство которого затрачены большие средства, оказался ненужным.

Сегодня об этом можно говорить, как о свершившемся факте, что называется — под занавес. Дело сделано. Остается только огласить содеянное и попытаться получить конкретный ответ на вопрос: «Кому мы обязаны сказать «спасибо» за то, что в течение почти шести лет деньги летели на ветер?».

Да, выступали против. Общественность, ряд специалистов ставили под сомнение необходимость стройки, но в результате она все-таки была начата и не окончена. На вопрос: «Что же будет дальше с электродным коксом?» — директор сланцелерерабатывающего завода «Сланцы» Юрий Иванович Белянин ответил: «Не знаю! Этот разговор беспредметен». И задал встречный воп-

рос: «Вы можете сказать мне, какими средствами будет располагать завод завтра? Не можете? Я тоже не могу. А финансирование строительства производится только из средств завода, и никто нам в этом вопросе не поможет».

Первое впечатление от посещения строящегося электродного кокса оставляло ощущение тягостное. Груды металла, железобетона, установочного и неустановленного, лежащего на земле аккуратными штабелями и россыпью, пыльные проемы выбитых окон, проросший через давно уже привезенное на объекты и брошенное оборудование кустар-

ник. Первым мы посетили бытовой корпус. «Фактически, — как рассказал сопровождавший нас мастер СМУ треста «Севзапметаллургомонтаж» Владимир Петров, — здание было готово «под ключ», вплоть до отделки. На стенах облицовочная плитка, радиаторы парового отопления. Под потолками смонтированная арматура электроосветительных приборов. Рамы, двери вставлены в проемы, окна застеклены. Еще немного, и можно было бы здание обживать, но... Когда его строили, планировалось, что здесь будут столовая и раздевалки для рабочих, строящихся «кокс». Отпадет необходимость в бытовках, строители получат максимум удобств. Довели объект до пускового состояния и бросили. Ничто не охраняется. Как следствие —

возят отсюда машинами «кому что нужно», вплоть до того, что снимают со стен плитку, посаженную на раствор. Разворовывается все, подчистую!» (2-я страница, средние снимки).

Парадокс! Собственно, какой смысл бросать готовый объект? Необходимо, наверное, упомянуть об истории стройки, с чего она началась, как продвигалась, все ее перипетии. Без этого трудно будет понять подоплеку совершенно необъяснимых с точки зрения здравого смысла действий строителей в лице генерального исполнителя — строительного треста № 63 и заказчика — сланцелерерабатывающего завода «Сланцы».

Начинали строительство с лозунга: «Сделаем образцово-показательную стройку на Сланцевской земле!». Так говорили всего несколько лет назад. Говорили и в какой-то степени делали. «В 1984 году вышло постановление Совмина, согласно которому было развернуто четыре стройки, подобных нашей, — говорил несколькими днями позже, после посещения кокса, управляющий трестом № 63 И. Г. Лободин. — Внимание к стройке было огромным. Постановление Совмина взято на контроль министерствами заказчика и подрядчиков, комитетом партийного контроля при ЦК КПСС. Проводились коллеги. Замы министров приезжали в Сланцы. Перидически представители заказчика и подрядчика приглашались в Москву. В 1985, 1986, 1987 годах строительство шло полным ходом, но к 1988 году продвижение вперед прекратилось. Мы перешли в разряд обычной рядовой стройки, что сразу сказалось на выделении ресурсов. Заказываем — нам не дают, считают «электродный кокс» сугубо второстепенным объектом. Бесконтрольность ситуации привела к тому, что мы, извините, наворожали здесь 27 миллионов, заказчик нам эти деньги оплатил, но ни один из объектов не закончен, и висят они сегодня на нас, как камень на шее. Если заказчик не возьмет на себя консервацию уже построенного, не возьмет на себя сохранность смон-

тированного оборудования, зафиксированного по акту консервации, то мы не беремся говорить о том, что в ближайшее время не будет нанесен еще больший ущерб от разграбления объектов и приведения их в негодность из-за ветшания и коррозии. Завод на консервацию не идет, но в то же самое время никто не желает принудить нас мобилизовать себя на то, чтобы закончить строительство. Электродный кокс оказался ненужным. Это произошло по ряду причин.

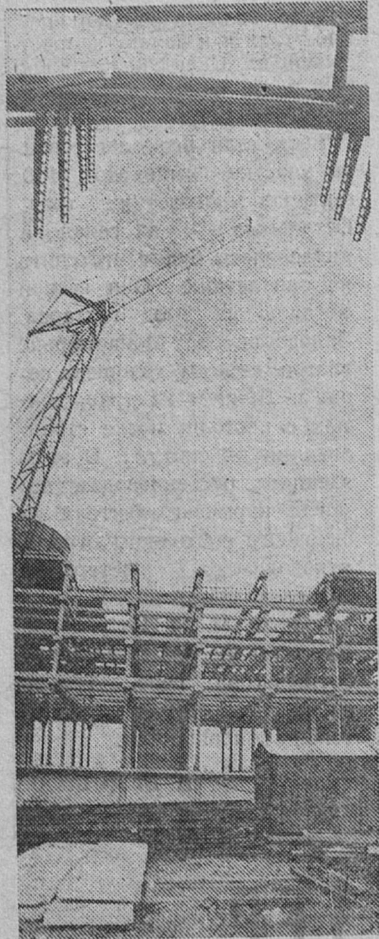
Когда принималось решение о начале стройки (страна остро нуждалась в коксе, который закупался за большие миллионы на западе), считали, что в Сланцах имеется хорошее местное сырье для производства кокса с мировыми стандартами. Об этом говорилось и в документах правительству. Поэтому стройка начиналась по-серьезному. Но когда по ходу ее выяснилось, что местного сырья, якобы, нет, и оно должно быть привозным (а это дает удорожание конечного продукта), «полетели» все технико-экономические показатели. Затем оказалось, что сырье ближайшего предполагаемого поставщика по своим исходным параметрам дает возможность выпускать лишь обычный, рядовой кокс, который у нас в стране производится и не пользуется большим спросом. Когда же, вдобавок ко всему прочему, общественность и инспектирующие организации заставили вместе с новым производством строить и природоохранные объекты (общая сметная стоимость только по строймонтажу с 29 миллионов подскочила до 56 миллионов) — интерес к сланцевскому варианту пропал. Министерство централизованно дать еще 30 миллионов не смогло (нет у него таких денег), ну, а товарищи с завода тоже не видят смысла вкладывать свои заработанные деньги из прибыли в строительство никому не нужного объекта. Гамма вот таких всевозможных причин и привела к тому, что мы обманули правительство, истратив капиталовложения и не получив положительного результата.

(Окончание на 2-й стр.)

ДВАДЦАТЬ СЕМЬ МИЛЛИОНОВ — НА ВЕТЕР

АДРЕС БЕСХОЗЯЙСТВЕННОСТИ

электродный кокс нужен... Несмотря на то, что нам и не выгодно эта стройка, а тем более сейчас, когда мы перешли на самофинансирование, мы его строим. И самое главное, почему это делаем? Решаем экологические проблемы старого производства. Сегодня 99 процентов разговоров шло и идет о старом производстве. Мое мнение, как жителя города, а не как директора: электродный кокс надо строить обязательно. Будет резкое снижение выбросов. Так о чем сегодня речь?».

А сегодня речь уже идет о том, с точки зрения какого, собственно, народного хозяйства целесообразно строить никому не нужный объект? Неужели его была ясна еще тогда, в 1988 году. Выступая в газете, начальник технического отдела завода А. И. Шульман, за два месяца до общественного обсуждения проекта, писал: «В то же время сооружаемый на СПЗ «Сланцы» комплекс производства кокса из сланцевой смолы, где наряду с сернистым смоляным коксом будет вырабатываться масло для пропитки древесины, специальное котельное топливо, фенолы, не обеспечен сырьем в полном объеме для выхода на проектную производительность». И об этом Юрий Иванович был прекрасно осведомлен, защи-

Но если завод выставляет себя благодетелем города, лично Юрий Иванович Белянин ратовал за электродный кокс, исходя из благих намерений привести в порядок природоохрану завода, то заводчане, наверное, должны быть кровно заинтересованы в строительстве очистных сооружений? Завод же, как заказчик, не удосужился приложить максимум усилий, чтобы включить природоохранные объекты в госзаказ. Так в чем же тогда завод заинтересован теперь? Уж, наверное, не в том, что сегодня творится на природоохранных объектах.

Из разговора с монтажниками выяснилось, что для градирни, которая относится к азотно-кислородной станции (охлаждение оборотной воды) и принадлежит к природоохранным объектам, недопоставлено шесть ригелей (несущих железобетонных конструкций). И вместо того, чтобы смонтировать все необходимое оборудование и поинуть готовый объект, придется довольствоваться монтажом трети запланированного и уйти со стройки. Необходимо будет демонтировать кран, перевозить его в другое место, где он сможет работать, а не простаивать. Ну, а когда ригеля объявятся, то придется привезти его и монтировать

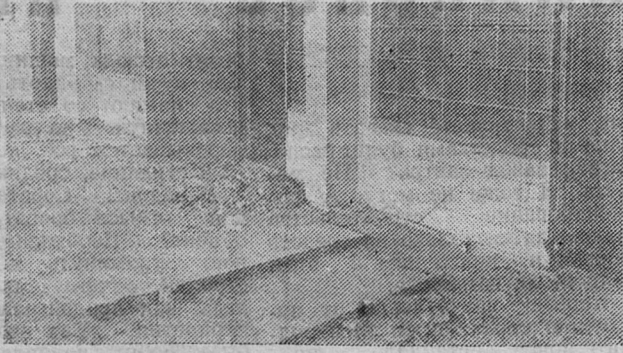
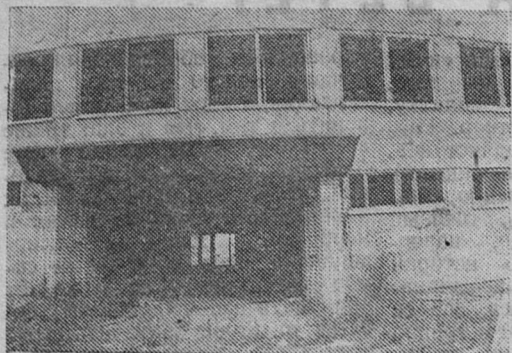
Никак не могли понять бригады монтажников Владимира Демидовича Остапук (на снимке сверху справа) и его бригада: каким образом строители бригады Ф. К. Могильного из СУ-322 устанавливали фундаменты под электрофильтры очистки дымовых газов ТЭЦ завода с такими грубыми нарушениями и отступлениями от проекта. «Отклонение от нормы для любого из этих фундаментов не должно превышать 3—4 миллиметра, а по докладу нашего геодезиста, работа сделана настолько плохо и «топорно», что монтировать на них ничего нельзя, не исправив брак. Одна плита отходит на 100 миллиметров в сторону, другая закопана больше положенного и т. д. Пришла техника, а делать нам нечего. Вот соберем кран и будем стоять. Это еще не все. Фундаменты под дымососы тоже запороты. Отклонение вместо 20 миллиметров достигает 200! А на каждом из фундаментов будет стоять машина весом в 25 тонн», — говорит Владимир Демидович. «Что же теперь делать?» — спросили у другого монтажника. «Что делать? Отбойный молоток в руки и вперед! Нужно разбить бетон и сделать все по новой».

Встретились мы и с брига-

в рабочее время другая подчиненная ему бригада В. Н. Христанова вместо того, чтобы отдавать все свои силы без остатка строительству биохимической очистки сточных вод завода, одного из наиболее важных природоохранных объектов, занималась кустарным производством бетонных блоков под фундаментами и подземные части зданий. Когда мы посетили незаконченные даже вчерне азотенки БХО первой ступени, кооперативная деятельность была в самом разгаре. В опалубку заложены бетон, над которым поднимался пар от подведенной с завода теплотрассы. Кустарное производство, поставленное на промышленную основу, давало, вероятно, ощутимую прибавку в чей-то личный карман. На фотографиях, сделанных фотокорреспондентом, очень хорошо просматриваются масштабы разворота «дела», штабеля аккуратно уложенной и готовой отправки потребителям продукции (на снимке внизу).

Конечно, трудности строителей тоже понять можно. Руководители треста очень долго объясняли нам потом, насколько плохо обстоит дело со снабжением строительными материалами. Из 700 тонн выделенных на бумаге труб получено только 132 тонны. Из 4200 кубических метров железобетона, который ждут на стройке и который заявлен на этот год за пять месяцев получено только 510 кубических метров. Выполнение плана на природоохранных объектах с начала года составляет 60 процентов. Ну что ж, «похвально», что строители не сидят в отсутствие материала сложа руки, а занимаются деятельностью, вызывающей сомнения в ее законности.

(Начало на 1-й стр.)

Надо отдать должное открытию Ивана Григорьевича, но возвратимся к бытовому корпусу. Так вот, когда встал вопрос о строительстве природоохранных объектов (кстати сказать, деньги, отпущенные на природоохрану направлены на приведение в порядок уже существующих производств завода «Сланцы», а не вновь строящегося цеха электродного кокса), пришлось спешно подвергнуть проект переделке. Появились незапланированные объекты, изменились диаметры труб, сечения питающих энергией кабелей — появилась необходимость в изменении системы прокладки инженерных сетей. Перепроектирование затянулось, и административно-бытовой корпус остался без тепла, канализации, электроэнергии. Новоселье справлять не пришлось. Объект приходит в негодность, и такое положение наблюдается повсюду.

Уже два года не финансируется строительство производственных объектов. Смонтированное стоит по мере готовности два, четыре, пять лет. Стоит и ждет, когда будет подтянуто строительство природоохранных объектов. Казалось бы, все внимание должно быть уделено строящимся очистным сооружениям, но, увы, этого нет. Хотелось бы вспомнить здесь слова Юрия Ивановича Белянина, сказанные на общественной защите проекта в ноябре 1988 года: «Невольно задаешь себе вопрос: так правильно мы делаем, что строим электродный кокс, или неправильно? С точки зрения экономики заводской и городской нам электродный кокс не нужен. С точки зрения народного хозяйства

щая проект (впоследствии, чтобы устранить возникшее противоречие, нас долгое время кормили идеей перепроектирования производства электродного кокса на производство игольчатого кокса. Об этом сейчас тоже ничего не слышно). Закрывая встречу с общественностью по защите проекта, секретарь парткома завода «Сланцы» В. И. Финюгов сказал: «Я думаю, все в какой-то степени поняли, что такое электродный кокс, что это благо в какой-то степени...».

Допустим, институт Ленгипронефтехим (разработчик проекта), Министерство нефтехимической промышленности, заводчане не удосужились разрешить задачу с двумя неизвестными: какое будет сырье, и что конкретно будет построено? О нравственности конкретных людей — разработчиков, представителей министерства, руководящих работников завода «Сланцы» — рассуждать не будем, да это и бесполезно. Как можно защищать проект, если доподлинно известно, что сырья нет и защищаем «липу»?

вать заново, заканчивать начатое. Главный инженер строительного треста № 63 Дмитрий Харитонович Обгорелов так прокомментировал этот момент: «Комплектация градирни изделиями железобетона шла почти год. Шесть ригелей где-то просто утеряны. Может, поставили их в другое место». А на вопрос: «Возможно ли, что при приемке ригелей на них никто даже не взглянул?» — последовал ответ: «В принципе такое возможно. Проверили документы — все нормально, разгрузили. Монтажники сами виноваты! Мы же не можем уследить за каждым ригелем. Нет какого-то железобетона — должны требовать, должны сообщить в трест. Сегодня пришел железобетон, завтра — сигнал о недоразумении, а послезавтра этот вопрос в работу. Чего же они молчали, пока дело не дошло до монтажа?». Виноватых у нас, как всегда, нет. Один кивает на другого. Как подсчитали монтажники, отсутствие шести ригелей (на снимке сверху слева) обойдется государству почти в десять тысяч рублей.

диром бракоделов Ф. К. Могильным (на снимке):

— Как же получилось, Федор Кириллович, что монтажники на ваших фундаментах не могут приступить к работе?

— Не знаю, как это и получилось. Не могли мы настолько ошибиться, — пожимал плечами строитель.

— Почему не попросили помощь геодезиста? Сколько раз он бывал на вашем объекте?

— Один раз. Сделал отметки и ушел.

— Наверное, при такой работе ему, да и вам вместе было бы сподручнее на стройплощадке?

— Это вопрос не ко мне, а к моему непосредственному начальнику. Я не могу указать геодезисту.

Начальника же участка СУ-322 Сергея Павловича Керенцева, который обязан по долгу службы курировать деятельность бригады Могильного, видно, больше занимало в тот момент не состояние дел на вверенной ему стройке, а процветание кооператива «Строитель». Куда уж ему вспомнить о геодезисте, когда

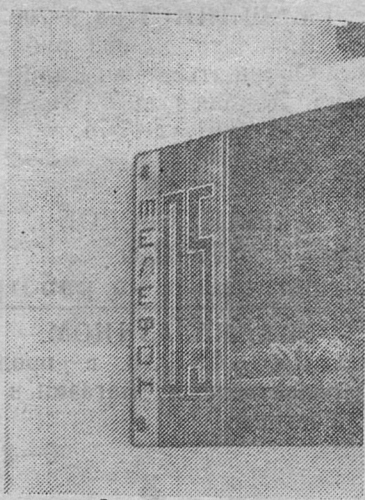
Да, сегодня можно говорить обо всем этом лишь как о свершившемся факте. Выброшены на ветер миллионы рублей. Строители не знают, как развязаться с этой стройкой. Субподрядчики треста уже потихоньку разбежались или разбегаются. Жизнь еще теплится на объектах, воздвигнутых, как памятник нашей действительности, как памятник махровой бесхозяйственности и головоулетства. Думается, инициаторы стройки не ломают особо головы, раз до сих пор не выказывали никакого желания спасти от гибели хотя бы то, что еще можно спасти. Конечно, часть денег вернуть не удастся. Перевозка лишь одной коксовой камеры из Красноводска стоила 1 миллион 670 тысяч рублей. Везли целый год, тащили на плаву по водным путям. Зимовали в Рыбинском водохранилище. В Ивангороде построили причал стоимостью 100 тысяч рублей, чтобы вытащить на берег. Затем прокладывали специальную дорогу. Был задействован спецтранспорт.

Многое не вернешь. Но если электродный кокс никому не нужен, давайте цех распродавать с молотка.

Решать вопрос о судьбе электродного кокса надо. Раньше 1993 года строители на основные объекты не вернутся, и они простоят в общей сложности, как минимум, еще пятилетку! Уже который раз собираются их консервировать. Но на это опять нужны деньги и немалые: 200—300 тысяч.

А мы с удивлением продолжаем спрашивать себя: «Почему все работают, а страна остается нищей?».

Д. ПОНОМАРЕВ.

Служба

«05»

просит о помощи

Фоторепортаж

«Аварийная» — обычно так отвечает дежурный службы «05» на телефонный звонок. Сюда поступил сигнал о том, что в доме № 18 по улице Грибоедова утечка воды. Немало трудов стоило дежурному разыскать того, кто обязан предотвратить аварийную ситуацию.

Еще звонок. Человек сообщил конкретный адрес, где увидел открытый люк. И опять дежурный принимает меры. А через некоторое время в книге заявок ставит пометку — работа выполнена.

За смену звонков набирается не один десяток, и в каждом конкретном случае позвонивший в «05» хочет услышать положительный ответ. Любая заявка здесь фиксируется. Если еще работают ЖЭУ, теплосеть, водоканал и т. д., то человека просят перезвонить вначале туда.

Самая же горячая пора в этой службе начинается в тот момент, когда везде заканчивается рабочий день. Дежурство идет круглосуточно. Всегда на смене слесарь, слесарь-водитель, диспетчер, утром — старший диспетчер, вечером — электрик. Практически таким составом можно было бы любую брешь закрыть, да вот беда — острая нехватка запчастей. Но об этом немного позднее.

Служба «05» была организована в январе прошлого года, когда три диспетчерских пункта (филиала ПО «Леноблводоканал», теплосети и жилищно-эксплуатационного треста) слились в один. На основе «05» сейчас также осуществляется дежурство в горкоме и исполкоме. Финансирует данную службу территориально-производственное объединение Леноблсподкома. Но несмотря на то, что так высоко, как говорится, идет руководство, снабжение находится на низком уровне.

«Наши снабженцы выезжают туда со своими заявками регулярно», — рассказывает старший диспетчер аварийно-диспетчерской службы Ида Павловна Беляева, — но дают крохи по сравнению с тем, что требуется. Посудите сами. В

же на ее «плечи». Видимо, так легче, с запчастями-то везде сложно. Приходится «05» везти воз и за других. Чтобы хоть как-то выжить из положения, здесь пошли даже в ущерб себе: внештатно приняли на подставки токаря. Это какой-то выход из порой нелегчайших ситуаций, ведь он своими силами изготавливает необходимые детали, которые заказывают ему слесари.

Обращаются в аварийно-диспетчерскую службу по разным вопросам. Для многих она стала просто палочкой-выручалочкой. А ведь действительно удобно. Набрал «05», сделал заявку, ну, скажем, о том, что плохо работает первая программа телевидения, и к вам спешат из кооператива «Экран», чтобы настроить эту са-

мую первую программу. Ну, может быть, не так срочно, но придут наверняка, потому как каждое утро представитель «Экрана» берет здесь заявки в свой адрес. Старший диспетчер И. П. Беляева строго следит за их исполнением.

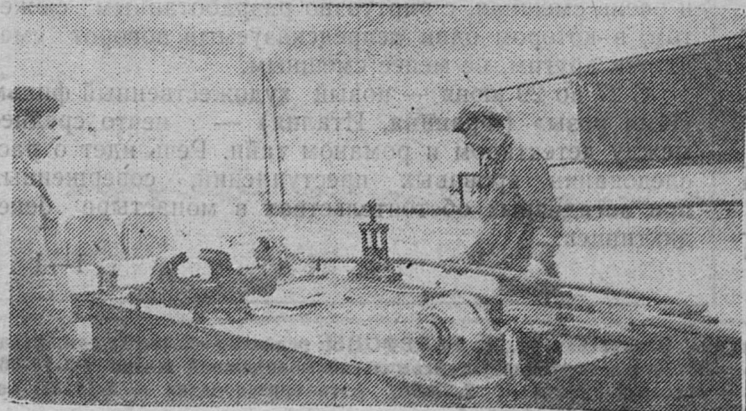
Но есть звонки, которые совершенно не по адресу.

«Сюда звонят даже по поводу автобуса, не выехавшего на линию, или спрашивают, где можно в городе перекусить, переночевать и т. д. Не ошибусь, если скажу, что к нам звонят так же часто, как на станцию скорой помощи. Но мы стараемся в любом случае помочь человеку. Если наша служба в состоянии выполнить работу, то делаем ее, если нет, то обязательно передаем заявку по инстанции и вдобавок контролируем ее», — продолжила разговор Ида Павловна.

На данный момент «05» обслуживает 153 тысячи квадратных метров жилой площади, в том числе и по договору с теми учреждениями и организациями, которые еще не передали свой жилфонд на баланс ПО «Сланцкилкомхоз».

Если мы все хотим, чтобы такая необходимая служба работала безотказно, ей нужна помощь. И в первую очередь взаимопонимание и поддержка со стороны руководителей предприятий. А на сегодня картина примерно такая. Аварийно-диспетчерскую службу буквально атакуют звонками жители дома № 13 по Молодежному проспекту. В квартирах с 7 по 9-й этажи нет ни холодной, ни горячей воды. Они потеряли всякую надежду, что вода когда-либо появится вообще. Хотя для нормальной ее подачи установлен подсосывающий насос, но не налажена автоматика. «05» настоятельно просит и руководство цементного завода, и ЖЭУ принять меры, но там, похоже, их не слышат и не торопятся исправить положение. Теперь подумайте, легко ли в таких ситуациях работать аварийщикам? Вот почему они и хотели бы во всех организациях находить участие, помощь. Тогда и они в свою очередь смогут выполнить любую заявку по первому же сигналу.

В. ПЕРМИНОВА.

НА СНИМКАХ: (вверху) работают диспетчеры; (внизу) слесари выполняют заказ.

На краю земли русской

2. Принаровье и Причудье до отделения Псковского княжества от Великого Новгорода (X—начало XIV веков)

(Начало в №№ 114, 116).

Итак, начало X века можно считать временем образования Киевского древнерусского государства. В его развитии большое значение имело формирование границ, усиление княжеской власти и начало экономического управления.

Под последним надо понимать упорядочение сбора дани, переход от ее случайного сбора к постоянной уплате в определенные сроки и в установленных размерах. Для этого создается и постоянно действующий аппарат из княжеских дружинников.

Все это протекает на фоне соперничества Новгорода с Киевом. И Киев, и Новгород развиваются как бы параллельно. А управляющие ими князья перемещаются то из Новгорода в Киев, то — при неудачах на юге — снова из Киева в Новгород.

В это время причудские земли являются подконтрольными данниками сменяющихся киевских и новгородских князей.

Начиная с X века, мы можем называть Причудье и Принаровье псковскими землями потому, что в это время уже существовало Псковское княжество, в которое они входили.

Первоначально оно управлялось князьями — наместниками из рода князей киевских (имен мы их не знаем), затем непосредственно новгородскими князьями или их наместниками. Забота об укреплении приграничных, слабо заселенных земель тревожила князей в X веке. Что делал князь Игорь в начале века на Псковщине, откуда он привез в Киев свою жену Ольгу? Не ехал же он через всю Русь, чтобы там поискать девушку в жены!

Через год после гибели мужа взявшая под свое государственное управление Киевское государство княгиня Ольга совершила большую поездку в Прилужье и псковские земли. По легенде была и на Нарове (прямо о ее пребывании здесь в летописи не говорится). Что она здесь делала? Создавала погосты, места сбора дани и оставляла в них дружинников для управления и охраны.

Названное в честь Ольги село Ольгин Крест, по-видимому, в XI веке, стало организационным центром хозяйственной жизни правого берега реки Наровы.

Поблизости сложились поселения: Скорятина Гора, Омут, Криуши (хотя, возможно, они в то время назывались по-другому). Важно, что они были. Интересное упоминание встречается в книге митрополита Киевского Евгения «История Псковского княжества». Там утверждается, что княгиня Ольга находилась в Пскове еще раз — в 965 году и основала крепость и деревянный Храм Святой Троицы. Как же так? Ведь впер-

вые Псков упоминается как город в 903 году. А какой город в то время мог существовать без крепости, пусть даже и малой!

И если утверждение митрополита правда, надо предполагать, что новая крепость была построена на месте старой или старая расширена. Имен киевских наместников в Пскове после смерти Ольги история тоже не оставила. Первым известным псковским князем стал брат Ярослава I Судислав. Посадил Ярослав его на псковский стол когда-то в период между 1024 — 1030 годами. То, что он правил с 1030 по 1035 год, достоверно. 1030 год был для Причудья и Новгородской земли знаменательным.

Ярослав — позже прозванный Мудрым — после 1024 года, когда он потерпел сильное поражение от своего брата Мстислава, вынужден был бежать из Киева, находился в основном в Новгороде, хотя и считался одно время как киевским, так и новгородским князем.

В 1030 году он принял ряд мер для укрепления княжеской власти около озера и охраны псковских колоний. Конечно, не был обойден вопрос о дани с подвластной чуди.

В это время за озером население сложилось таким образом: кривичи в наибольшем количестве поселились на юго-востоке от него (теперешний Тартуский район ЭССР) и на северном берегу, а середина западного берега славянами заселена была слабо, преобладала чужь. Неподалеку от будущего города Юрьева жила «немирная чужь» и располагалось их укрепленное городище Оденце (по-русски Медвежья Голова).

Мероприятия Ярослава по укреплению положения на новгородских и псковских землях можно представить как одну линию с запада на восток: он построил город Юрьев для защиты псковских колоний за озером (Юрий — православное имя Ярослава), в Пскове посадил княжить брата Судислава, а в Новгороде сына Владимира.

Каковы были отношения между псковичами и новгородцами с соседней чужью? Далеко не мирными, сложными. До недавнего времени у нас стремились представить дело так, что между эстонским и русским народами существовала чуть ли не вечная дружба и взаимопомощь. На самом деле это было далеко не так. И важно помнить: народ — это одно, а князья и предводители племен — это другое. А было так: на западном берегу озера и Наровы чужь вела себя мирно и смирилась с русской данью. Дань была не очень велика. А крестьянину при всех условиях кому-то надо было платить дань. Дань — естественный налог феодальных времен.

Но русские князья иногда этой данью не довольствовались, проникали в глубь Эстонии и там требовали дани. Там, мощная чужь иногда ее платила, а иногда оказывала вооруженное сопротивление. Эстонские племена были воинственными и иногда в одиночку, а то и в союзе с ливью сами нападали на псковские земли и грабили их. Нападали и на город Псков. Если обобщить, можно сказать, что с середины XI века и по первую четверть XIII отношения были в основном враждебными.

(Продолжение на 4-й стр.),

